УДК 82-31

ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР» («АЛЕКСАНДРИЯ»)

© Наталья Махинина, Марина Сидорова, Лилия Насрутдинова

OLD RUSSIAN TEXT IN THE NOVEL “LAUVUS” (“ALEXANDRIA”) BY E. VODOLAZKIN

Natalia Mahinina, Marina Sidorova, Liliya Nasrutdinova

The article studies the function features of Old Russian text, the book “Alexandria”, in the novel “Laurus” by E. Vodolazkin, a Russian writer, philologist, and an expert in Old Russian literature. The reason for addressing this issue is a wide-ranging dialogue with preceding texts, which is a characteristic feature of modern literature. Thus, a current task of literary criticism is to investigate the forms and functions of this dialogue. The main purpose of our research is to determine the essence of the author’s reflections about the problem of the human life path in the medieval text of “Alexandria”. The study of the novel “Laurus” gives grounds to assume that the image of the book “Alexandria” and its content are of the structure-forming value, marking the stages of the protagonist’s life path and its evolution. The book also correlates with the novel at the level of meaningful motifs: witchcraft, the laying on of hands, and the motif of the number four. The constant emphasis on the parallelism of Alexander and Laurus’s paths allows the author to accentuate the correlation between knowledge and faith. The research results make it possible to argue that the structure- and meaning-forming function of “Alexandria” in the novel “Laurus” is connected with the desire to unlock the story of the protagonist’s life, emphasizing the complexity of gaining faith, and to prove the importance of this very path, combining Alexander’s persistent power of learning and Laurus’s internal self-immersion.

Keywords: М. Е. Vodolazkin, “Alexandria”, Old Russian literature, modern Russian literature, problem of the path, motif.

Темой статьи является исследование специфики функционирования древнерусского текста, книги «Александрия», в романе русского писателя, филолога, специалиста по древнерусской литературе Е. Водолазкина «Лавр». Обращение к данной теме связано с тем, что для современной литературы характерен широкий диалог с предшествующими текстами, и выявление форм и функций этого диалога остается актуальной задачей литературоведения. Основной целью исследования является определение сущности размышлений писателя, обращающегося к средневековому тексту «Александрии», о проблеме жизненного пути человека. Исследование романа «Лавр» дает основание утверждать, что и сам образ книги «Александрия» и ее содержание приобретают в романе структурообразующее значение, отмечая этапы пути героя и его эволюции. Книга соотносится с романом и на уровне присутствия значимых мотивов: ведовства, наложения рук, мотива числа четыре. Постоянное обозначение параллельности пути Александра и Лавра позволяет автору заострить значимую проблему соотношения познания и веры. Итогом исследования является утверждение, что структуро- и смыслообразующая функция «Александрии» в романе «Лавр» связана со стремлением разомкнуть историю жизни героя, подчеркивая сложность проблемы обретения веры, и утвердить идею важности самого пути, соединяющего в себе и настойчивую силу познания Александра, и внутреннюю самоуглубленность Лавра.

Ключевые слова: Е. Водолазкин, «Александрия», древнерусская литература, современная русская литература, проблема пути, мотив.

Роман «Лавр», написанный специалистом по древнерусской литературе и посвященный эпохе русского Средневековья, неизбежно вызывает у исследователей стремление к соотнесению его с текстами древнерусской литературы. Так, в статье «Несколько слов о романе Евгения Водолаз-

кина „Лавр“, подписанной псевдонимом Sempre Libera, указывается на обильное цитирование писателем древнерусских источников: «физиологов и шестоднегов, палей, травников, лечебников, некоторых „отреченных книг“ (апокрифов), энциклопедических сборников, <...> „Александ-

рии“» [Sempre Libera]. В этой же статье обозначается и возможность соотнесения текста романа с жанрами древнерусской литературы: первой части – с жанром вопрошания, второй – с повестью или хроникой с элементами жития, третьей – с хождением, четвертой – с житием.

В статье О. Неклюдовой «Карта контекстов. Роман Е. Водолазкина „Лавр“» тоже отмечается важная роль древнерусского контекста: «...в „Лавре“ присутствует огромное количество разнообразных аллюзий на агиографические тексты, хождения, повести и другие жанры древнерусской словесности – а, например, отрывки из „Александрии“ и „Сказаний о Соломоне и Китоврасе“ непосредственно цитируются в самом тексте» [Неклюдова, с. 119].

Действительно, текст «Александрии» занимает в романе особое место. Его функционирование носит сквозной характер, так или иначе книга присутствует, упоминается, косвенно цитируется, становится реминисцентным материалом во всех частях романа.

Наша задача и состоит в том, чтобы определить функционирование текста «Александрии» на структуро- и смыслообразующих уровнях.

Сложность решения этой задачи определяется тем, что существует несколько вариантов этого текста. Как пишет Е. А. Костюхин: «Древняя Русь знает три вида „Александрии“: появившуюся в XI–XII вв. и вошедшую в хронографы (хронографическую), пришедшую на волне второго южнославянского влияния в XV в. (сербскую) и западнорусскую, переведенную с польского языка в XVII в. (белорусскую и украинскую)» [Костюхин, с. 42]. Хронографическая «Александрия» наполнена множеством фантастических картин и образов. Их функцию исследователь определяет так: «Конечно, и в хронографической „Александрии“ тема суетности земной жизни звучала достаточно настойчиво. Но не она определяла общий настрой произведения. Ограниченность человеческого познания не отвращала Александра от бесконечных поисков. Мир, открываемый греческим завоевателем, был прекрасен и необозрим, полон увлекательных загадок» [Там же, с. 49–50]. Именно этот вариант книги был наиболее популярен, и с одной из его трансформаций знакомится герой в романе. В «Александрии Сербской» усилена идея тщетности земных свершений, трагической предопределенности бытия. Поэтому Александр в ней не только познает мир, но и стремится к поиску истины. Таким образом, оба варианта, на наш взгляд, могут быть использованы для соотнесения их с романом Е. Водолазкина.

Текст «Александрии» в «Лавре» существует по канонам средневековой литературы. Это подчеркнуто на графическом уровне: отсутствие кавычек в названии книги, в приведенных цитатах, но, главное, в использовании приема ретроспективной исторической аналогии, к которому обращались древнерусские книжники с целью объяснить события настоящего через обращение к прошлому. Поэтому чрезвычайно важным становится то, что «житие» Лавра сюжетно выстраивается параллельно повествованию об Александре: «чудо», сопровождающее рождение обоих героев, смерть их отцов, их постоянное движение, определяющееся поиском, возвращение к началу пути (у Александра – попытка возвращения) и в финале – смерть.

С «Александрией» роман «Лавр» связывает и ряд важных мотивов. Изначально каждый из главных героев опосредованно связан с ведовством. В «Александрии» повествуется, что настоящим отцом Александра является египетский царь Нектанав, который «*был силен в чародействе и в египетском искусстве читать по звездам*» [Александрия Сербская]. Этому искусству он обучает и своего сына. Дед Лавра Христофор тоже обладает тайным знанием, который передает внуку. Связанный с этим знанием мотив наложения рук как способ врачевания Лавра отсылает и к одному из высказываний в «Александрии»: «И, сказав это, <Филипп> Александра благословил, говоря: „Сын Александр, руки всех на тебе и твои – на всех“» [Там же].

Еще одна отсылка к «Александрии» – число четыре, которое становится одним из наиболее значимых в этом произведении. В начале его перечисляются четыре добродетели Александра, в описании его вступления на трон повествуется о данных ему заветах четырех соратников, в Египте он ставит четыре столпа, Александру предсказаны сорок лет жизни. Это число часто повторяется и в указании количества воинов македонского полководца. А в «Лавре» структурно выделены четыре книги, появляются образы четырех друзей, разделяющих путь Арсения, четырех его наставников, четырех женщин с маленькими сыновьями, возникающих в каждой книге романа.

Как известно, это число обозначает целостность, устойчивость и то основное, что помогает человеку ориентироваться в мире: стороны света, времена года и т. д. Так, на уровне числовой символики обозначается размышление о проблеме места человека в мире, их взаимосвязи.

Однако у Е. Водолазкина значимым становится сам образ этой книги. Уже первое появление «Александрии» в части романа, названной «Книгой познания», обозначает ее как опреде-

ляющее явление в жизни заглавного героя. Это подчеркивается тем, что она была переписана его прапрадедом с определенным заветом:

Се аз, Феодосий грешный, переписах книгу сию в память храбрых человек, дабы деяния их не беспмятны были [Водолазкин, с. 42].

Подготовленный книжником Феодосием текст адресуется Арсению как прямому потомку. Еще одна деталь, подчеркивающая ценность этой книги, – место ее хранения: за одной из икон в красном углу в доме деда героя Христофора. Наконец, акцентировано то необычайное впечатление, которое она оказывает на героя:

Александрию (здесь и далее курсив автора. – Н. М., М. С., Л. Н.) Арсений читал постоянно. Он читал ее сидя на лавке и лежа на печи, зажав руки между колен и навалившись головой на ладони, утром и вечером. Иногда ночью, при свете лучины [Там же].

Интерес мальчика прежде всего к описаниям удивительных людей, экзотических существ, появляющихся в этой книге (на что указывает не прямое цитирование), свидетельствует о том, что на этом этапе она высвечивает главную нацеленность ребенка – на познание мира. И, соответственно, притягательность фигуры Александра для него связана с движением последнего по пути познания, с отсутствием у него страха перед препятствиями и испытаниями. Определение пути Александра как пути познания задается описанием первого этапа его жизни: рассказа о его учении, в котором он проявляет и усердие, и блестящие способности. Важно вспомнить и то, что учителями его являются язычники Аристотель и Нектанав, он постигает книги – «Илиаду» и «Одиссею» Гомера – и движение звезд.

Восприятие «Александрии» героем «Лавра» обозначает и проблему платы за познание, которая в философско-христианской антропологии связана с идеей изгнания из рая. Аналогией такого райского существования в романе становится детство героя. Действительно таковым предстает пребывание юного Арсения в доме деда Христофора при жизни последнего, когда герой находится в состоянии гармонии с миром:

Арсений лежит на теплой плите. Лежит животом вниз, рядом с ним закрытая *Александрия*. Его лица касаются желтые головки лютиков. Ему щекоотно, и он улыбается. Волк едва заметно виляет хвостом [Там же, с. 44].

Характерно, что в момент осознания такой гармонии книга, обозначающая познание, закрыта.

Покидая «рай», идя далее по пути познания, то есть познавая любовь, женщину, Арсений продолжает обращаться к «Александрии», теперь делаясь этой книгой со своей возлюбленной. И здесь усиливается мотив извечного противоречия между стремлением человека к познанию и греховной природой этого стремления. Это выражено в торопливости, с которой Арсений читает книгу Устине:

Прижавшись к нему покрепче, Устина обхватывала руками свои колени. Просила его читать не торопясь. Он кивал, но незаметно для себя опять начинал торопиться. Пять отведенных ими на вечер листов с каждым разом прочитывались все быстрее, и Устина вновь и вновь спрашивала Арсения, что заставляет его так спешить. Вместо ответа он прижимался щекой к ее щеке. Возникла ревнивая мысль, что в вечернее время Александр интересовал ее больше Арсения [Там же, с. 78].

Познание ведет героя по пути осознания своей беспомощности перед смертью. Отсюда актуализация присутствующего в «Александрии» мотива знания о смерти, бренности жизни, связанного с известным Александру предсказанием о его ранней смерти, которое заставляет его постоянно возвращаться мыслями к тщетности его деяний.

Это же предчувствие возникает и в сознании Арсения и Устины, когда он читает возлюбленной о страхе Александра после предсказания Антифонта о его смерти на железной земле под костяным небом.

Книга последний раз читается героем в романе в наиболее напряженный момент, когда герой теряет возлюбленную и ребенка. Чтение обращено к мертвой Устине в надежде, что в зыбком, как ему кажется, положении между жизнью и смертью, это оживит ее:

Он вспомнил, что при жизни она любила слушать *Александрию*, и начал читать *Александрию*. Ее реакция на роман об Александре всегда была живой, и сейчас, по мнению Арсения, это могло сыграть свою положительную роль. До утра следующего дня он читал над Устиной *Александрию* [Там же, с. 103].

Здесь интересна использованная грамматическая форма: не Устине, а «над Устиной», то есть так, как читают псалтирь над усопшим. В этом присутствует указание на то, что герой заменяет «Александрией» священный текст. Не выполнив возложенную на нее функцию воскресения, книга уходит из жизни героя навсегда. Отныне она будет существовать только в его воспоминаниях.

Уже в «Книге познания» Александр начинает существовать в сознании Арсения как реальный

человек, живущий в одно время с ним, что проявляется, например, в том, как он ревнует к нему Устину.

И далее собственный жизненный путь будет им самим все больше соотноситься с путем Александра. Так, данное ему людьми прозвище Рукинец (по названию слободки) будет восприниматься как «своего рода выдача почетного гражданства, как именование любимого им Александра Македонцем» [Там же, с. 62]

«Александрия» как вспоминаемый, а не читаемый текст возникает в «Книге отречения», где внимание сосредоточено на процессе искупления вины, но Арсений продолжает идти путем познания, мучительно ища ответы на сущностные вопросы, прежде всего на вопрос о смысле жизни. После прочтения немецкой хроники, где тоже рассказывается о необычных существах (сатирах, обросших шерстью, и атанасиях, укрывающих ушами свое тело и др.), Арсений вспоминал:

<...> сходные описания *Александрии*, и спрашивал себя, каково же место перечисленных явлений в общем порядке вещей. Ведь не может же их существование (спрашивал себя) быть недоразумением в мире, устроенном разумно? [Там же, с. 148].

Особенно явственно это соотношение обозначено в «Книге пути», посвященной путешествию героя в Иерусалим, к Гробу Господню. Это закономерно в том смысле, что поход Александра тоже в конечном счете обусловлен определенным устремлением. И в этом пути героев совпадают даже географически. В Иерусалиме, когда Александр переходит в христианство, пророк Иеремия предсказывает ему достижение рая:

На помощь призывай Бога Саваофа – и силу персидскую победишь, и всему от востока до запада царем станешь, и когда все это совершишь, тогда дойдешь до места, близкого к раю [Александрия Сербская].

Однако Александр не осознал достигнутого. И в «Книге пути» это становится очевидно для героя. Один из попутчиков Лавра, францисканский монах брат Гуго, рассказывая о священных горах мира, упоминает Александра:

<...> не обошел брат Гуго вниманием и гору, мимо которой проходил Александр Великий, превращавшую храбрецов в трусов и трусов в храбрецов. Александр был самозабвенным путешественником, и дорога сама расстилалась под его ногами [Водолазкин, с. 296].

Последняя фраза не атрибутирована достаточно отчетливо в плане ее принадлежности, поскольку до нее речь монаха не была оформлена как прямое высказывание. Скорее всего, это размышление Арсения, что подтверждается его последующими словами:

Иногда я чувствую себя Александром, сказал Арсений Устине. И дорога сама расстилается под моими ногами. И, подобно Александру, любовь моя, я не знаю, куда она ведет [Там же].

Это уже переход к осмыслению собственного пути: «самозабвенность» Александра-путешественника и дважды возникающий образ дороги, которая «сама расстилается» под ногами, связаны с проблемой пути без цели, ради самого движения.

Наиболее значимым образ Александра становится в последней части романа – «Книге покоя». В этой книге внешнее движение героя почти прекращается, и тем значимее становится внутренний путь. Все это обозначено во внутренних монологах, обращенных к Устине, диалогах со старцем Иннокентием, в обращениях к Спасителю. Герой алчет понимания сути своего пути:

Я не уверен в своем пути, и оттого мне все труднее двигаться дальше. <...> Если бы был мне хоть какой-то знак, хоть какая-то надежда... [Там же, с. 362];

Так подай же мне, Спасе, хоть какой-нибудь знак, чтобы мне знать, что путь мой не уклонился в безумие... [Там же, с. 363].

И ответ, который ему дается, то есть, собственно, тот ответ, который он дает сам себе, – это идея преобладания веры над знанием:

Какого знака ты хочешь и какого знания, спросил старец, стоявший у Гроба Господня. <...> знание не предполагает духовного усилия, знание очевидно. Усилие предполагает веру. Знание – покой, а вера – движение. <...> Не уподобляйся лишь любимому тобой Александру, имевшему путь, но не имевшему цели. И не увлекайся горизонтальным движением паче меры.

А чем увлекаться, спросил Арсений.

Движением вертикальным, ответил старец и показал вверх [Там же, с. 363–364].

Как и Александр, герой совершает круговое движение, в финале романа возвращаясь обратно. В каком-то смысле это возвращение в детский «рай», на что указывает характер ощущений героя:

Арсению показалось было, что по запахам и общему состоянию воздуха эта весна была точь-в-точь такой как когда-то в детстве, но он тут же себя одер-

нул. Арсений был теперь совершенно другим, и оттого нынешняя весна не имела с его детской весной ничего общего. В отличие от той весны, нынешняя не заполняла уже всего мира. Она была его прекрасным цветком, но Арсений давно знал, что в этом саду имелись и другие растения [Там же, с. 365].

И на этом этапе обозначается существенное различие обретений Арсения и Александра. Последний так и не достигает той точки, откуда вышел, он умирает в пути, в отличие от Арсения, упокоивающегося на родной земле. Сам обратный путь героя романа Е. Водолазкина наполнен жизнью и теплом: ему кажется, что следом за ним едет Амброждо и все те, с кем он когда-либо расстался; происходят дорожные встречи с людьми, которым он помогает; приходит освобождение от сомнений в правильности пути.

Сама же смерть изнемогающего от болезни Александра, который повелел воинам устроить для себя постель из воинских доспехов и укрыть себя от снега щитами: «*И понял вдруг Александр, что лежит на железной земле под костяным небом...*» [Там же, с. 92] – обозначается как наказание за гордыню. Скрытая цитата из «Александрии» с описанием смерти Александра повторяется в романе дважды: в сцене, предшествующей смерти Устины, и в эпизоде разговора с Анастасией, которая тоже боится родов. В первый раз она соотнесена с грехом героя, который в своем страхе и гордыне не смог помочь возлюбленной, во второй раз образ этой смерти противопоставлен обретенной Лавром вере, которая спасает Анастасию и ее ребенка.

«Александрия» появляется на последних страницах романа, где описывается эпизод с появлением в жизни Лавра девицы Анастасии, которой он помогает выносить и родить мальчика. Когда Анастасия просит рассказать что-нибудь, Лавр хочет вспомнить свое путешествие в Иерусалим, но «*долго думает и вспоминает Александрию*». О том, как:

Александр лежит на железной земле под костяным небом. Ему тоскливо. Он не понимает, для чего нужны были все его странствия. И для чего все завоевания. И он еще не знает, что его империя распадется в одночасье [Там же, с. 424].

На вопрос Анастасии, в чем была историческая цель Александра, Лавр отвечает:

У жизни нет исторической цели. Или она не главная. Мне кажется, Александр понял это только перед смертью [Там же, с. 425].

Таким образом, структуро- и смыслообразующая функция «Александрии» в романе

«Лавр» связана с характерным для современной литературы тяготением к созданию различных версий излагаемых историй. Житийный канон повествования о средневековом святом постоянно соотносится с жизнеописанием Александра. Это размыкает историю жизни Лавра, подчеркивая сложность проблемы обретения веры, и утверждает важность самого пути, соединяющего в себе и настойчивую силу познания Александра и внутреннюю самоуглубленность Лавра.

Список литературы

Александрия Сербская. Древнерусский текст и современный перевод (Подготовка текста, перевод и комментарии Е. И. Ванесовой) // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поныр-ко. СПб.: Наука. 2003. Т. 8: XIV – первая половина XVI века. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5126#> (дата обращения 02.02.2019).

Водолазкин Е. Лавр. М.: изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 440 с.

Костюхин Е. А. Александр Македонский в фольклорной и литературной традиции. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972. 190 с.

Неклюдова О. Карта контекстов. Роман Е. Водолазкина «Лавр». Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 119–130.

Sempre Libera. Несколько слов о романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Tatmitropolia.ru: Православие в Татарстане: информационно-просветительский сайт Татарстанской митрополии. URL: https://tatmitropolia.ru/all_publications/publication/?id=46924 (дата обращения 02.02.2019).

References

Aleksandriia Serbskaia (2003) [Alexandria Serbian]. Drevnerusskii tekst i sovremennyi perevod (Podgotovka teksta, perevod i kommentarii E. I. Vanevoi). Biblioteka literatury Drevnei Rusi / RAN. IRLI; Pod red. D. S. Lihacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. St. Petersburg. Nauka. T. 8. XIV – pervaiia polovina XVI veka. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5126#> (accessed: 02.02.2019). (In Russian)

Kostiukhin, E. A. (1972). *Aleksandr Makedonskii v fol'klornoi i literaturnoi traditsii* [Alexander the Great in Folklore and Literary Traditions]. 190 p. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izd-va "Nauka". (In Russian)

Nekliudova, O. (2015). *Karta kontekstov. Roman E. Vodolazkina "Lavr"* [Context Map. The Novel "Laurus" by E. Vodolazkin]. *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 119–130. (In Russian)

Sempre Libera. (2015). *Neskol'ko slov o romane Evgeniia Vodolazkina "Lavr"* [A Few Words about Evgeniy Vodolazkin's Novel "Laurus"]. Tatmitropolia.ru: Pravoslavie v Tatarstane,

informatsionno-prosvetitel'skii sait Tatarstanskoi mitropolii. URL: https://tatmitropolia.ru/all_publications/publication/?id=46924 (accessed: 02.02.2019). (In Russian)

Vodolazkin, E. (2015). *Lavr* [Laurus]. 440 p. Moscow, Publishing house ACT: Publishing office of Elena Shubina. (In Russian)

The article was submitted on 02.03.2019
Поступила в редакцию 02.03.2019

Махинина Наталия Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mahinin@rambler.ru

Mahinina Natalia Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mahinin@rambler.ru

Сидорова Марина Михайловна,
кандидат филологических наук,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
msidorovam@mai.ru

Sidorova Marina Mihailovna,
Ph.D. in Philology,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
msidorovam@mai.ru

Насрутдинова Лилия Харисовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Lilija_nasrutdin@mail.ru

Nasrutdinova Liliya Harisovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Lilija_nasrutdin@mail.ru